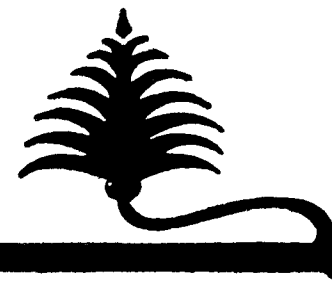

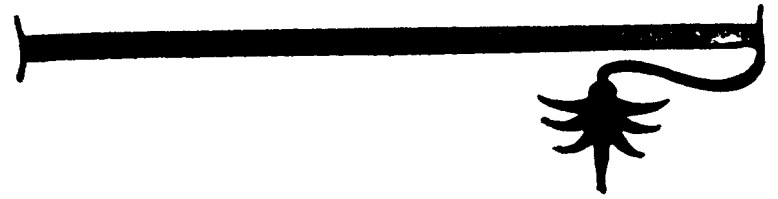

МИРЗА МУХАММАД ХАДИ
РУСВА
ТАНЦОВЩИЦА
П О В Е С Т Ь

Перевод с урду
Г. ЗОГРАФА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Перевод под редакцией
М. КЛЯГИНОЙ-КОНДРАТЬЕВОЙ

Предисловие и примечания
Г. ЗОГРАФА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лакхнау середины прошлого века. Древний восточный город. Узкие извилистые переулки, вдоль которых тянутся глухие каменные и глинобитные стены, вливаются в улочки пошире, где по обеим сторонам идут сплошные ряды лавок. Это торговые улицы, или базары. Они тоже не очень просторны — местами два небольших экипажа с трудом могут разминуться, зато жизнь здесь бьет ключом. Кричат зазывалы, приглашая прохожих заглянуть в лавки; разносчики расхваливают свои товары; то тут, то там вспыхивает перебранка между покупателем и продавцом.

Торговля идет прямо на улице. Лавки ничем не отделены от нее — лишь пол немного приподнят над мостовой, — и все, что в них есть, можно увидеть, не заходя внутрь. Хозяин восседает на полу у порога — ему рукой подать и до товара и до покупателя. Тут же на виду у прохожих трудятся ремесленники: портные шьют платье, сапожники тачают обувь, медники чеканят и лудят посуду, вышивальщицы украшают одежду парчовым узором, ювелиры выделывают серьги, браслеты и ожерелья, писцы составляют документы.

Перед лавками на мостовой расположились торговцы съестным. Огромный медный таз стоит на жаровне, и в нем кипит масло — это варятся разного рода деликатесы из теста, о каких у нас и представления не имеют. Снуют с подносами мальчуганы, предлагая прохожим халву, леденцы, мармелад и прочие сласти. Зеленщик притащил на коромысле пару огромных плоских корзин с овощами, поставил их прямо на землю и сам уселся рядом, подогнув под себя ноги. Тут дымится в котле горячий плов, там разложены разнообразнейшие фрукты. Словом, что бы вам ни понадобилось — одеться,

Художник
А. БЕЛЮКИН

поеть, заключить сделку — идите на базар, и вы найдете все, что душе угодно.

Один из таких базаров в Лакхнау называется Чаук. К обычному шуму торговых рядов здесь примешиваются доносящиеся откуда-то сверху звуки музыки и пения, взрывы смеха, восторженные возгласы. Дома в квартале все двухэтажные, и вторые этажи их запыты главным образом танцовщицами. Солидные отцы семейств и зеленые юнцы стекаются сюда по вечерам, а то и среди бела дня. Одних приводит жажда развлечений и низменных любовных утех, других — искреннее увлечение музыкой, танцами и поэзией. В зависимости от своих интересов и вкусов они могут найти на Чауке и публичные дома и своего рода литературно-музыкальные салоны. Разврат живет здесь бок о бок с настоящим искусством.

Нет ничего удивительного, что в условиях феодальной страны, где единственным призванием женщины считалась забота о доме и детях, где девочкам с ранних лет проповедовалось слепое повиновение сначала родителям, а затем мужу, те из женщин, которые посвящали себя искусству и осмеливались выступать перед публикой, немедленно исторгались из замкнутого семейного круга и попадали в положение отверженных. Не удивительным и общее неуважение к таким женщинам, неверие в их добродетель и проистекающие отсюда грубый цинизм и полная бесцеремонность в отношениях с ними, как с существами заведомо безнравственными.

Еще в древней Индии существовала каста гетер, обычно соимешавших ампула актрисы-танцовщицы с ремеслом продажной женщины и передававших свою профессию по наследству от матери к дочери. Подобно античным гетерам, кроме любовных утех, они должны были также доставлять своим обожателям изысканные эстетические удовольствия. Поэтому обучению гетер уделялось очень большое внимание. Лучшие из них своим умственным развитием, талантами и образованием могли соперничать с представительницами высших классов общества. Вот как описывает воспитание гетеры знаменитый индийский поэт середины первого тысячелетия нашей эры Дандин:

«...Преподают науки, имеющие то или иное отношение к любви, и все, что к ним относится. Основательно изучаются танцы, пение, игра на инструментах, театр, живопись, приготовление сладостей, духов и искусство составлений букетов и гирлянд. Изучаются также основательно письмо и ловкость в разговоре. Науки: грамматика, логика и астрономия изучаются поверхностно,

только настолько, чтобы знать, о чем идет речь. Происходит основательное ознакомление со средствами к жизни, с игривой ловкостью разговоров, с искусством азартных игр...»

Далее Дандин сообщает, как мать гетеры рекламирует достоинства дочери и устраивает ее дальнейшую судьбу:

«Когда она таким образом станет высшей целью желаний золотой молодежи, то мое дело определить за нее самую высокую цену и отдать ее на содержание человеку самостоятельному, хорошего происхождения, красивому, богатому, здоровому, незапятнанному, щедрому, ловкому, любезному, образованному, приятного характера, причем он или сам ею увлечется, или она со своей стороны будет выказывать к нему чувство и тем сведет его с ума. Можно отдать дочь и за малую цену, когда имеется в виду получить впоследствии очень много, за человека, хотя и не самостоятельного, но отличающегося особенными качествами, особенно выдающимся талантом...»

Наконец, тут же рассказывается, каким образом матери гетеры следует влиять на отношения дочери с ее поклонниками:

«По отношению к влюбленному в нее настаивать на том, чтобы дочь вела себя, как верная жена. Всякими способами вымогать у ее поклонников все деньги... требуя постоянное содержание и ежедневные подарки. Если же содержатель настолько скуп, что будет в них отказывать, то поссориться с ним и бросить его или разжигать щедрость скупого поклонника посредством кокетничанья с его соперником. Если же появится поклонник бедный, то нужно его отваживать язвительными словами, публичной бранью, запрещением дочери принимать его, всякими придирками заставляя его стыдиться своего положения... Гетера должна иметь по отношению к своему поклоннику только легкое чувство, но не действительную любовь»¹.

Эпоха Дандина отделена от нас почти полуторатысячелетним промежутком времени, а действие повести «Танцовщица» относится к середине прошлого века. И тем не менее очень многое в этой повести живо перекликается с описанными Дандином чертами воспитания древнеиндийской гетеры. В XIX веке, когда в Индии начался распад феодальных отношений, многие из самых темных сторон социального строя древности и средневековья продолжали свое существование. Древний институт гетер, лишь несколько изменившись внешне, сохранился в виде вполне легального ремесла танцовщиц, сочетавших искусство песни и танца с той или иной

¹ Перевод академика Ф. И. Щербатского; см. журнал «Восток», т. 3, М. — П. 1923, стр. 58—59.

формой проституции. Это ремесло в своей основе продолжало быть наследственным и кастовым, хотя тайная торговля детьми давала возможность содержательницам «веселых домов» пополнять ряды своих воспитанниц со стороны. Так, в частности, случилось с героиней повести и некоторыми ее подружками. Они оказались танцовщицами не по рождению, а по злой воле рока — несчастное стечение обстоятельств толкнуло их на этот путь.

Избрав темой своего произведения жизнь танцовщиц, автор сделал весьма смелый шаг — в литературе урду никто до него не рискнул обратиться к такому сюжету. Но Русву привлекла не возможность наполнить свое повествование массой пикантных деталей, а нечто совершенно другое — он задался целью обрисовать положение танцовщицы в индийском обществе. Глубокое внимание к социальной стороне вопроса у него не было случайностью — здесь отразился общий интерес передовых индийских писателей конца прошлого века к проблемам общественной жизни.

Вторая половина XIX столетия была переломным моментом в развитии индийских литератур и в том числе литературы урду. Народное антианглийское восстание 1857—1859 годов, известное также под названием сипайского восстания, заставило писателей отказаться от традиционных сюжетов, господствовавших в прежней литературе, и обратиться к действительности. В литературе появилась новая тематика и одновременно осваивались новые для Индии литературные жанры: роман, повесть, рассказ, очерк. Быстрый рост газет и журналов на новиндийских языках способствовал развитию публицистики.

Новое направление в литературе урду, которое возглавил известный общественный деятель и социальный реформатор Сайид Ахмад-хан (1817—1898), стремилось придать старой мусульманской культуре новые формы, использовать плоды современного образования. Развиваясь в борьбе против религиозного консерватизма, с одной стороны, и бездумного копирования европейских образцов, с другой, это направление приобрело публицистический характер. Литература, которая до середины столетия служила главным образом развлекательным целям, в руках передовых писателей второй половины XIX века превратилась в средство воздействия на общество, в средство его воспитания. Вслед за публицистическими выступлениями Сайида Ахмада-хана и его соратников, стремившихся насадить европейские знания среди индийских мусульман, приспособить уклад их жизни к требованиям времени, на урду появились и художественные произведения, поднимавшие вопросы,

которые были порождены столкновением старого традиционного образа жизни с новыми представлениями, почерпнутыми на Западе.

Больше всего внимания в них уделялось задачам воспитания подрастающего поколения и дискуссиям о характере образования, которое отвечало бы насущным потребностям эпохи; много места занимали такие вопросы, как отношение к труду и государственной службе, семейные отношения, положение женщины. Наиболее яркое отражение эта проблематика нашла в романах и повестях Назира Ахмада (1831—1912). Выразительные картины жизни разных слоев индийского общества дал в своих произведениях и в первую очередь в многотомной «Повести об Азаде» Ратан Натх Саршар (1846—1902).

Однако даже у этих авторов, занимающих исключительное место в литературе урду конца XIX — начала XX века, художественное мастерство оставляет желать лучшего. Интересные и значительные с социальной точки зрения произведения Назира Ахмада проникнуты откровенным дидактизмом, и мораль в них большей частью преподносится непосредственно от имени автора, что вряд ли может теперь привлекать читателей. В романах Саршара, писателя-журналиста, дают себя знать следы поспешной и неравномерной работы над произведениями, печатавшимися частями в журналах еще до того, как они окончательно сложились у автора. Читатель находит в них много ярких, проникнутых истинным юмором сцен из жизни разных слоев населения Лакхнау, но эти блестящие эпизоды тонут в нагромождении второстепенных деталей, а сюжетная линия порой совершенно теряется.

Поэтому легко понять успех повести Русвы «Танцовщица». Освещая примерно тот же круг жизненных явлений, она отличается от современных ей произведений того же жанра увлекательностью сюжета, сравнительной стройностью композиции, отчетливостью выводимых в ней образов. Эта повесть была доброжелательно встречена читателями, увидевшими в ней неприкрашенное отображение действительности и поверившими в реальность описываемых характеров и событий.

Мирза Мухаммад Хади, принявший литературный псевдоним Русва, родился в 1858 году в Лакхнау. Там он получил среднее образование, а затем около двух лет служил на железной дороге в Белуджистане. Неутолимая жажда знаний заставила его вернуться в родной город. По возвращении Русва занялся преподаванием персидского языка в различных колледжах, а свободное время

посвящал самостоятельному изучению естественных наук и в первую очередь химии. Вместе с тем его интересовали логика, философия и богословие. Энциклопедичностью и глубиной своих познаний он поражал современников и выгодно выделялся среди других писавших на урду литераторов. Помимо родного языка, Русва знал хинди, санскрит, персидский, арабский, древнееврейский, английский и греческий, что еще больше способствовало расширению его кругозора. За свои труды он был удостоен звания доктора философии. Будучи человеком глубоко религиозным, он тем не менее обладал достаточной широтой взглядов, чтобы терпимо относиться не только к учениям различных сект ислама, но и к другим религиям.

Последние годы жизни Русва провел на Декане в городе Хайдерабаде, где служил в переводческом бюро при местном университете. Он перешел с английского языка на урду целый ряд книг из разных областей знания. Скончался он в 1931 году.

Литература привлекла Русву еще в детском возрасте. Чуть ли не с десяти лет он начал писать стихи — это было в то время, да в немалой мере остается и теперь, одним из самых распространенных увлечений образованных индийцев. Впоследствии литературные интересы Русвы вышли за рамки чисто дилетантских увлечений. Он заслужил репутацию неплохого поэта. Среди его стихотворных произведений выделяются поэма «Надежды и тревоги» и драма в стихах «Лейла и Меджнун». Но основная часть его творческого наследия представлена прозой. Наряду с сочинениями на философские и религиозные темы Русве принадлежит ряд романов и повестей. Лучшими среди них признаются «Отпрыск знатного рода», «Благородный» и «Танцовщица». Первое из этих произведений рассматривается многими критиками как художественная автобиография Русвы, второе посвящено упадку феодальной знати в Лакхнау после восстания 1857 года, но особенно выделяется повесть «Танцовщица» («Умрао-джан Ада»), написанная в девятидесятых годах прошлого века и впервые опубликованная в 1899 году. Этой повести, признаваемой одним из наиболее удачных прозаических произведений на урду не только конца прошлого, но и начала нынешнего столетия, Русва в значительной мере обязан своей литературной славой. Именно «Танцовщица» выдвинула его в число лучших прозаиков урду.

Свою повесть Русва облек в форму беседы автора с героиней. Повествование ведется здесь от лица Умрао-джан и лишь время от времени прерывается репликами автора, желающего подчеркнуть то или иное обстоятельство. С аналогично построенными произве-

дениями мы нередко встречаемся и в европейских литературах, но для Индии, особенно для старой ее литературы, такой прием более обычен. Крупнейшие памятники древнего индийского эпоса и многочисленные средневековые подражания им построены в виде беседы: легендарный святой или отшельник рассказывает в них прославленному царю или герою о великих деяниях прежних времен. Подобную форму имеют и различные древние сборники сказок, где вопросы слушателя, обращенные к рассказчику, служат связующими звеньями всей цепи повествований. Русва по-новому использовал этот старый композиционный прием, перенес его в настоящее и изобразив самого себя в роли слушателя. Это помогает ему свободно переходить от рассказа о жизни танцовщицы к оценке описываемых явлений или поступков героини и заострять внимание читателя на важных, по его мнению, вопросах. В то же время такое построение повести призвано создать впечатление достоверности описанных в ней происшествий.

Каждая глава повести представляет законченную жанровую сценку, воспроизводящую тот или иной момент жизни героини. Эти сценки, в большинстве своем очень выпуклые и яркие, сливаются в широкую картину быта мусульман Северной Индии середины прошлого века. Перед глазами читателя проходят различные по своему социальному положению, но одинаково живые персонажи — от скромных слуг до высшей знати. Из общей цепи выпадают только обширное вступление, в котором автор знакомит читателя с Умрао-джан, и заключительная глава, где под видом исповеди героини Русва резюмирует затронутые в повести морально-этические вопросы и высказывает свое отношение к ним.

Вступление приводит читателя на «мушаиру» — встречу поэтов, состязавшихся в чтении своих новых стихов. Такие встречи, как камерные, подобные описываемой здесь, так и публичные, устраиваемые перед тысячами слушателей, до сих пор очень популярны в Индии и Пакистане. Автор использовал этот эпизод для того, чтобы отразить поэтические вкусы описываемой им эпохи. Приводимые здесь стихи не имеют прямой связи с содержанием повести и представляют чисто специфический интерес, так как рассчитаны они на знатоков и ценителей поэзии урду. Поэтому часть введения, а также отдельные стихотворные отступления в других главах подверглись при переводе небольшим сокращениям.

По окончании «мушаиры» Умрао-джан приступает к рассказу о своей жизни. Героиня повести — женщина явно незаурядная. Природа наделила ее живым умом и недюжинным талантом. Ей присуще инстинктивное отвращение ко всякой низости

и подлости, и она оставляет впечатление человека нравственно здорового. Благодаря этому Умрао-джап заметно выделяется среди своих подруг по профессии. И хотя она, казалось бы, вскоре достигла вершин успеха, ее положение не приносит ей удовлетворения.

Стечением обстоятельств Умрао-джап обречена была стать игрушкой в чужих руках, но постепенно в ней нарастает духовный протест. Этот протест не выливается в открытую форму и не приводит к решительному конфликту — героиня лишь решает исподволь перестроить свою жизнь, причем и тут остается не вполне ясным, что явилось основным стимулом такой перестройки: внутреннее ли убеждение или внешние причины, например, утрата с возрастом прежних поклонников. Как бы то ни было, даже сама по себе попытка разобраться в том, что хорошо и что плохо — критически оценить хотя бы узкую сферу человеческих отношений, — для женщины в ее положении была делом немалым, особенно если учесть условия страны и эпохи.

Действие повести разворачивается в княжестве Ауд, столицей которого был город Лакхнау. Большинство описываемых событий происходит в последний период существования этого княжества, как полусамостоятельного феодального государства, — в сороковых — пятидесятых годах прошлого века. В это время правители княжества, номинально считавшиеся суверенными монархами — шахами, — на деле целиком подчинялись находившемуся в Лакхнау резиденту Ост-Индской компании, с которой Ауд был более полувека связан кабальным договором.

Упоная на поддержку английских штыков (компания взяла на себя обязательство «защищать» Ауд), шахи и их двор погрязли в роскоши и удовольствиях, совершенно не заботясь о положении дел в княжестве. Они швыряли несметные суммы на постройку все новых и новых дворцов, мечетей и усыпальниц, в то время как народ изнывал в глубокой нищете. Крестьяне голодали, деревни пустели, участились грабежи и разбои, творились всяческие беззакония, и кончилось тем, что англичане, обвинив шаха, которого сами же они контролировали, в «дурном управлении», аннексировали княжество. Аннексия Ауда, совершившаяся за год до Национального восстания, сопровождалась расформированием аудской армии и ослаблением позиций крупных землевладельцев, многие из которых были, в свою очередь, экспроприированы. Результатом явилось резкое обострение антианглийских настроений среди влиятельных в Ауде слоев общества. Не удивительно, что вскоре же после первого выступления сипаев в Мироте около Дели Ауд стал одним из основных центров восстания. В самом Лакхнау вооруженная борьба шла око-

до года — с мая 1857 по март 1858 года. Долгое время перевес был на стороне восставших, но их разобщенность, отсутствие ясно выраженных целей и общих интересов, а также предательство многих крупных феодалов привели к тому, что восстание было жестоко подавлено, а город подвергся повальному грабежу.

Все эти события нашли отклик в повести, хотя автор не уделяет им большого внимания. Он отчетливо показывает бесправие и произвол, дарившие в «шахские времена», выводит на сцену разбойников, изображает слабую попытку шаха навести порядок руками одного из своих вассалов, бегло упоминает о «крушении султаната», то есть аннексии княжества, о восстании и сопровождавших его подавлении грабежах, о последующей частичной реконструкции города. Однако это лишь фон, на котором рисуется личная судьба героини. Весьма активно вмешиваясь в решение морально-этических вопросов, которые подробно освещаются в отступлениях, автор воздерживается от попыток проникнуть в корень социальных проблем и избегает их обсуждения.

Повесть написана неровно. Яркие, живые сцены обыденной жизни временами перемежаются надуманными авантурными эпизодами. Спокойное, полное красочных деталей повествование о юности героини, воссоздающее атмосферу, в которой она росла и развивалась, помогающее понять, как складывался ее духовный облик, сменяется рассказом о годах ее зрелости и, наконец, приводит к развязке, которая кажется слишком поспешной. Немало в повести и противоречий. Например, в вопросах семейного уклада автор определенно придерживается консервативных воззрений, и в то же время устами своей героини он протестует против обычной затворничества женщин.

Автор довольно редко высказывает свое отношение к описываемым событиям в прямой форме: характеры персонажей в повести очерчены настолько ярко, что их действия в большинстве случаев говорят сами за себя и не требуют авторских пояснений. Реалистичность и жизненность действующих лиц не может оставить читателя равнодушным;вольно или невольно автор заставляет сочувствовать обиженным и угнетенным, возбуждает ненависть к притеснению и произволу и призывает задуматься над причинами существующей несправедливости.

В повести отчетливо звучит отказ от традиционного мусульманского мировосприятия — пассивного фатализма, и читателю внушается мысль, что судьба человека в немалой мере зависит от его собственных усилий. Гуманизм, пронизывающий все про-

изведение, в значительной степени искупает присущие ему слабости. Повесть безусловно представляет собою незаурядное явление в литературе урду, тем более что создавалась она на заре становления в Индии современных литературных жанров. Автор поднял важную проблему социального характера, и, несмотря на то, что к ее решению он подходит с идеалистических либеральных позиций и не вскрывает в достаточной мере истинных причин, порождающих рассматриваемое явление, все же сама постановка вопроса и методы его освещения характеризуют Русву как одного из основоположников реалистического направления в литературе урду.

Повесть «Танцовщица» до сих пор пользуется большой популярностью в Индии и Пакистане и часто переиздается. Недавно индийская Академия литературы рекомендовала ее как один из лучших образцов прозы урду к переводу на важнейшие языки Индии, а Издательство литературы урду в Пакистане открыло ею серию классических произведений.

Г. Зограф

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Зограф.</i> Предисловие	5
Т А Н Ц О В Ш И Ц А. Повесть	17
П р и м е ч а н и я	216